

Александр Введенский

**Духовник Н.В. Гоголя (К
переоценке его характеристики)**

«Наследники»

Введенский А. П.

Духовник Н.В. Гоголя (К переоценке его характеристики) /
А. П. Введенский — «Наследники»,

ISBN 978-5-457-12250-5

«Мало ли кого у нас забывают, не ценят, не понимают. Но беда в том, что о. Матфея, этого подвижника и борца за православную веру, опорочили, осмеяли, осудили, оплевали. И за что ж? За то, что он, будучи духовником Н. В. Гоголя, привлек его к христианской вере, сделал его ревностным сыном православной церкви, и достойным образом подготовил его к загробной жизни. Вот вся его вина. Но враги христианства не простили ему этого. При всяком удобном и неудобном случае, «временне и безвременне» они клеймят его позорными именами и мечут гром и молнию за то, что он якобы погубил великого русского писателя, преждевременно отнял его из рук современного общества. Мы приведем здесь несколько литературных характеристик, чтобы видеть, как не любят, как презирают, как глубоко ненавидят этого замечательного человека...»

ISBN 978-5-457-12250-5

© Введенский А. П.
© Наследники

Протоиерей Александр Введенский Духовник Н.В. Гоголя (К переоценке его характеристики)

О. Матфей Константиновский!

Какая эта приятная и, во всех отношениях, симпатичная личность! Сколько в нем энергии, непреклонной воли, святой ревности о славе имени Творца! Какая могучая, пламенная вера таилась в его душе, управляла всей его жизнью и проникала собою все его подвиги, молитвы, заботы и труды! Какое доброе, отзывчивое, любящее сердце билось в его груди для всех слабых и больных, для труждающихся и обремененных, для униженных и оскорбленных! Сам он ничего не имел. Все отдавал другим, отдавал до последней копейки, до последней одежды. И жил «как птица, даром Божьей пищи». Его ни в чем нельзя было упрекнуть, потому что он жил не для себя, а для Бога и людей. Это был в полном смысле слова сего подвижник веры, которых с каждым годом становится все меньше и меньше и которым по всей справедливости может гордиться наша православная церковь.

Несмотря на это, несмотря на святость его жизни, на глубину веры, на пламенность религиозного чувства, «на труды, на славу, на добро», его не поняли, не оценили. Но это зло еще не так большой руки. Мало ли кого у нас забывают, не ценят, не понимают. Но беда в том, что о. Матфея, этого подвижника и борца за православную веру, опорочили, осмеяли, осудили, оплевали. И за что ж? За то, что он, будучи духовником Н. В. Гоголя, привлек его к христианской вере, сделал его ревностным сыном православной церкви, и достойным образом подготовил его к загробной жизни.

Вот вся его вина. Но враги христианства не простили ему этого. При всяком удобном и неудобном случае, «временне и безвременне» они клеймят его позорными именами и мечут гром и молнию за то, что он якобы погубил великого русского писателя, преждевременно отнял его из рук современного общества.

Мы приведем здесь несколько литературных характеристик, чтобы видеть, как не любят, как презируют, как глубоко ненавидят этого замечательного человека.

Вот, например, что пишет Ив. Щеглов в своей книжонке «Подвижник слова» (СПб., книгоизд. «Мир»).

«О. Матфей – изувер. Фигура этого фанатика достаточно выяснена. Ржевский протопоп был грубый, необразованный человек, себе на уме, достаточно практичный, чтобы брать от своих поклонников деньги за свои панихиды и молебны, и самое главное, быть человеком с большой силой воли.

Это обычное явление: люди тупые и ограниченные часто импонируют своей волей людям растерянным, нервным, слабовольным, хотя и стоящим неизмеримо выше по своему уму и дарованию.

Гоголь был именно такой развинченной, неврастеничной натурой, жаждущей указки.

Уже первая встреча с о. Матфеем характерна и для Гоголя, и для ржевского Саванароллы в русской переделке.

Гоголя представляют о. Матфею. О. Матфей строго и вопросительно оглядывает Гоголя.

– Вы какого будете вероисповедания?

Гоголь недоумевает.

– Разумеется, православного!

– А вы не лютеранин?

– Нет, не лютеранин...

– И не католик?

Гоголь был окончательно озадачен.

– Да нет же, я православный... Я – Гоголь!

– А по моему выходит – вы просто... свинья!!! – бесцеремонно ответил о. Матфей. – Какой вы, сударь, православный, когда не ищете благодати Божией и не подходите под пастырское благословение.

Известный литературный критик К. И. Арабажин в своей интересной книге: «Этюды о русских писателях» (СПб., изд. «Прометей», 1912 г.) пишет об о. Матфее вот что:

«Несчастный писатель все более и более подчиняется влиянию о. Матфея. Ищет беседы с ним, много молится, заказывает ему молебны, пишет длинные письма, для нас безнадежно утраченные (стал бы о. Матфей беречь письма русского писателя!), ведет с ним долгие назидательные беседы. Борется с ним, потому что о. Матфей все время наступал на Гоголя и требовал от него все новых и новых жертв и полного отречения от прошлого, даже от литературы.

И Гоголь, смиряясь и падая духовно все ниже и ниже, сдает одну за другой свои позиции.

«Не прилепляйся к земному!», – вот грозный окрик невежественного иерея-фанатика, вкривь и вкось толкующего христианство в смысле полного аскетизма. Литература – «земное, следовательно, нужно отречься от нее».

Речи и послания о. Матфея действовали на Гоголя потрясающе. Однажды, когда о. Матфей зашел слишком далеко в своем обличительном пафосе, Гоголь не выдержал и просто-нало: «Довольно, довольно... оставьте! Не могу более слушать... слишком страшно!»

Грудь Гоголя разрывалась от отчаяния...

Известный публицист В. В. Розанов в своей статье: «Небесное и Земное» передает слышанное им об одном таком разговоре о. Матфея с Гоголем.

«Гоголь был в религиозном экстазе. Гоголь уже от всего отрекся, от суеты, от славы, литературы; казалось, примирился с Богом.

– Нет еще примирения, – сказал ему о. Матфей, – отрекись от Пушкина и любви к нему: Пушкин был язычником и грешником».

Гоголь был сломлен. На первой неделе великого поста 1852 г., в ночь с понедельника на вторник, за девять дней до смерти, и спустя три дня после разговора с о. Матфеем, Гоголь велел затопить печку, собрал свои рукописи и бросил в огонь.

Он, как «тать в ночи» подкрался к больной, впечатлительной душе великого писателя и вырвал ее из рук России. В его холодных объятиях живой талант Гоголя превратился в «мертвую душу».

Писатель перестал жить. Так как для Гоголя «не писать» – значило не жить».

Таковыми словами заключает В. Розанов характеристику взаимных отношений Гоголя и его духовника.

Приведем, еще, мнение по данному вопросу Мережковского.

Мережковский (в книге «Гоголь и черт») считал непреложной истиной печальное участие о. Матфея в душеубийстве Гоголя.

Какова исходная точка о. Матфея? По Мережковскому она такова.

– Не любите мира, ни того, что в мире; все в мире – похоть плоти, похоть очей и гордость житейская... Весь мир во зле лежит.

Это – смысл нашего черного, монашеского христианства. К нему-то и звал Гоголя о. Матфей.

– Беги от прелестей мира! Брось имя литератора и уйди в монастырь!

Гоголь долго защищался:

– Не знаю, брошу ли я, – писал он, – имя литератора, потому что не знаю, есть ли на это воля Божия.

Но о. Матфей упорно стремился к «угашению духа» Гоголя.

За две недели до смерти Гоголя, о. Матфей был у него. То, что произошло между ними, и было причиной смерти.

По всей вероятности, – продолжает Мережковский, – о. Матфей в последний раз потребовал ответа, желает ли он бросить литературу и сделаться монахом. Гоголь возмутился и «оскорбил» его. Но как только о. Матфей уехал, Гоголь послал ему последнее письмо, в котором просил извинения и благодарил за что-то.

Если бы Гоголь не согласился на отречение от литературы и от мира, то о. Матфей сказал бы ему, как схимник в «Страшной мести» колдуну:

– Иди, окаянный грешник! Не могу о тебе молиться, – нет тебе помилования! Еще никогда в мире не было такого грешника!

Эта анафема носилась пред Гоголем всю жизнь; он боялся ее и готов был на все, чтобы только не подвергнуться ей.

После отсылки письма о. Матфею, началось ужасное умирание Гоголя. Физически он был здоров. Но стал поститься; совсем отказываться от пищи и сна, похудел и таял. Наконец, истощенный, он умер.

Так смотрит на дело Д. Мережковский.

Мы не будем больше приводить мнений и характеристик литературных критиков и публицистов. Скажем только, что приведенные нами – не первые и не последние. О. Матфея бранят не только В. Розанов, Д. Мережковский, Щеглов, Арабажин, но все те, кто только писал о Гоголе, о его смерти, о его произведениях. Достаточно вспомнить проф. Д. Овсяннико-Куликовского («Гоголь». Изд. «Общественная Польза»), проф. С. Венгерова («Писатель-гражданин» II т., изд. «Прометей»), П. Анненкова («Гоголь», изд. Павленкова), проф. Веселовского («Этюды и характеристики») и мн. др., чтобы убедиться в этом.

Итак, какими темными красками не рисуют Ржевского протопопа! «Невежественный, изувер, фанатик, святоша, лицемер»; «прислужник власть имущих, мужик села Есько» (так выражался Щеглов в «Новом Времени»), «не особенно умный» (слова Мережковского) и т.д., и т.д.

В то время, как светские писатели так резко отзывались об о. Матфее, наделяли его всевозможными, оскорбляющими человеческое достоинство эпитетами, духовные писатели взяли его под свое покровительство, добросовестно изучили все относящееся к его биографии материалы и вынесли ему оправдательный вердикт. Они совершенно беспристрастно посмотрели на его жизнь, на деятельность, на отношение к Гоголю и решили, что это был «подвижник XIX века» (См. К. Поселянина «Русские подвижники 19 века». Изд. 3-е, 1910 г., стр. 410–426).

Такая резкая противоположность в отзывах ставила в тупик наиболее добросовестных, осторожных литературных критиков. И вот один из них, некто А. С. Панкратов, сотрудник «Русского Слова», чтобы точнее и беспристрастнее решить этот спорный вопрос, решил отправиться в самый город Ржев, где свыше 20 лет пробыл о. Матфей и там, на месте, добыть необходимые сведения и решить литературную проблему в ту или другую сторону.

Оказалось, что город еще полон памяти об о. Матфее. Остались лица, знавшие его лично. Жив внук его – Л. Н. Грешищев, жив престарелый пономарь Рафаилыч, живший бок о бок с ним и видевший его ежедневно, живы многие прихожане и прихожанки его. Только недавно скончался сын его, тоже священник.

Все эти лица сообщили А. С. Панкратову массу сведений об о. Матфее, поделились с ним весьма ценными впечатлениями от жизни и деятельности этого знаменитого ржевского

протопопа и тем совершенно разрушили в уме и душе паломника те предрассудки, которые создались благодаря тенденциозным литературным характеристикам.

После поездки в Ржев Панкратов совершенно иными глазами посмотрел на историю взаимных отношений Гоголя и его духовника. Стал иначе думать об о. Матфее и окончательно перешел на сторону его поклонников.

Вот в кратких чертах его думы и впечатления.

О. Матфей был известный проповедник. Знал, что значение печатного слова, когда оно несет людям нравственное поучение, огромно. Поэтому – от всех ли произведений он требовал отказаться? И почему непременно совсем отказаться от литературного, своего рода – проповеднического поприща, когда он силою своего слова и влияния на писателя мог направить талант Гоголя в сторону проповеди церковно-религиозных идей?

А весь последний, религиозно-мистический период жизни Гоголя – разве он не говорит, что на Гоголе, помимо всяких сторонних влияний, легла тяжелым пластом какая-то «страшная тайна смерти», что эта тайна преобразила его и отняла у России художника-Гоголя гораздо раньше, чем стал на него иметь влияние о. Матфей.

Все письма к о. Матфею или умоляют: «Молитесь, молитесь, молитесь за меня!», или разбивают доводы о. Матфея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.